

ОЛЬГА ИЛЬНИЦКАЯ

С ЧУВСТВОМ БЕЗДНЫ НА ВЕСУ

Опять стихи идут, как эшелон
из прошлого – военного, скупого.
Вновь мама ждёт отца с реки, улова
к обеду ждёт. И варится рассол
для огурцов с небритыми щеками.
Сижу-гляжу и думаю о маме,
И слёзы, как горох, стучат об стол.
Моя весна еще так далеко:
Мне девять лет, смешлива, угловата.
Мой папа принесёт в ведре улов!
Он радуго прибьёт гвоздём над хатой!
И скажет бабушка, прикрыв глаза рукой:
«Спасибо, сын! Какой улов богатый».

С ЧУВСТВОМ БЕЗДНЫ

Буки. Буковки. Картинка: и смущенье, и вина
перед белым океаном, где ни берега, ни дна.
Образ образ нагоняет, волны красны и вольны
захлестнуть и откатиться к чувству бездны и войны.
Птицерыба ходит чинно, горизонтами шурша,
и пробойны латает удивлённая душа.
Голубая чудо-рыба, птице-фениксу родня,
не коси крыла курсивом, словно глазом, на меня.
Не моги, не приближайся к первозданному листу
сумасшедшего паренья с чувством бездны на весу.

ЗАБЫТЬ СЕБЯ

1

В том доме, где отсутствует хозяин,
В том самом доме, где давно не спят,
В том свете лампы, где кружат ночами
Созвучия, и бабочки летят

(куда? – не закудыкивай дорогу!
Куда летят? – на круг и дальше, в свет...),
В том месте, где нас не было и нет, –
Он пишет. Он талантливый безбожно.
Он сам как Бог. Он цвет с ладони Божьей.
Он путаник и вечный второгодник,
Мальчишка, что на жердочке сидит
И помнит всё, что только предстоит.

2

Уже который год вся жизнь наоборот –
за январем июль и ночь после рассвета.
А там, где первым вдохом будило птицу лето,
ни травы не встают, ни рыба не плывёт.

Уже который год у русского поэта
сначала жизнь пройдёт, потом стихи про это.
Лишь после жизни – том, о жизни и о том,
как больно жить поэтом и бодро петь при этом.

3

Колдует листва за спиною у лета,
пожаром горчит голубой листвою.
По птичьим дорогам уводит поэтов
куда-то спешащий пернатый конвой.

Я жду бестолкового лепета вьюг,
чтоб молча ступать по разбухшим паркетам
дубрав, приютивших бездомных поэтов...
А стаи летят через вьюги на юг.

У гордой пичути хрустальный язык,
малиновый звук над подлеском грачиным.
Никто не запомнит усталой причины
подмены запева на хрипы и крик.

У холода свой серебристый язык.
У певчих свои временные законы.
И всякий по-своему плакать привык,
слычая вокзалов сквозные прогоны.

Ущербная тяжесть пути. А куда?
Туда суетливо уносятся стаи,
туда эшелоны заслонами ставят,
и тихою сапой плывут города.

Неверная участь залётных гостей.
Навязчивый след красноглинных обманов.
У чёрной реки. У ясной поляны.
Среди оскудевших до срока полей.

4

Забыть себя.
Других бы не забыть.
Но вот отшибло память, память, память...
Как пауки из брюшка тянут нить,
по затемнённым шепчутся углам,
так женщины, что жизнь оберегают,
всё смотрят ниоткуда, всё глядят,
как голубеют щеки у ребят
и бреются подростки мужчины.
Как крылья режутся у голубят.
Как голубятни, строясь в долгий ряд,
внезапно превращаются в руины.

5

Ещё я рассказать тебе хочу,
как оторопь по звёздным пляжам рыщет,
как ветер свищет вслед холодному лучу,
а месяц половинку серпа ищет.

Ревун кричит. Медведица рычит.
По Млечному Пути сбегает в море
созвездия, и молится Господь.
Он докторской иглой врачует Запад,
неизлечимый северный озноб
переливая в южную нирвану.
Он лечит горе, одинок и древен,
как европейцами не познанный Восток.
Ни друга нет, ни женщины, ни равных.

...Античности разверзнутые раны
являют мрамора и патину, и блеск.
Спит Атлантида. Зевс младенцев ест.
Нет, ест детей Сатурн. А Зевс плывёт.
Он – Бык. Морской бурун вспорол рогами.
Вообразил Европу неотрогой
с девичьими и робкими ногами.
Плывёт, косит на нас влюблённый глаз.

Пусть жемчугами обовьют рога
Быку Стрелец, и Водолей, и Дева,
пусть радуются силе, красоте...
Но – мы другие. Но – века не те.
На что нам Бык с жемчужными рогами?

Земля лукава, и смертей не счесть.
Зачем нам нужен миф, коль Бог не спас!
Рога Быка – штурвал, достойный нас.
Живём, плывём... Куда плывём – не помним.

Круглеет месяц, как живот любимой,
скрывающий до времени угрозу.
Какое счастье – ночью дети спят.
И умирая, спят. Плывут и спят.
Всё множатся созвездия. Их свет,
не согревая, освещает путь.
О, как они прекрасны, красны, красны
и солонь! А рядом кто-то рыщет
с обломком острым и кого-то ищет.

И мир летит по чёрному лучу.
И красный ветер над снегами свищет.

ПОПЕРЁК ЛИСТОПАДА

Поперёк листопада ложится мой путь,
Вдоль гусиного, мелкого ломкого шага.
Если был кто со мною – отстал отдохнуть,
Если шёл параллельно – то так ему надо:
Обомлеть, столбenea от истин сквозных,
Обладеть от роскошного лисьего взгляда.
Подойду и скажу: параллельность прямых
Листопадом нарушена – значит, так надо.

Значит, ты потрудись обнаружить во мне
Глубину зачинанья строки непреложной.
И меня оттолкни, отпусти, отомсти
Теплотой за обманчивость ясности сложной.
Будем живы – и вновь разбежимся поврозь
Листопад разгребать, шелестя и рифмуя
Небо с морем и в небе с волною колдуя,
Ощутим глубину. И, волнуясь, глотнём
Эту истину – лживую, горькую, злую.

ВСПОМИНАНИЕ

1.

Слова не властны – дом уже замёрз,
Душа тверда. И в доме стынута дети.
Нет повести печальнее на свете.
Но есть весна. Весна растопит лёд.
И вновь услышишь, что душа поёт.
Сначала глухо, горько, но – теплеет
и слово, словно ветка, зеленеет.
И раскрываешь сердце – так кулак
Вдруг превращается в ладонь.
Итак – слова даны мне снова, снова, снова.
А значит Бог всегда всеисильней Слова.
Он молчалив, но лучший собеседник.
С ним ты горишь и немо говоришь
и словно лист, оторванный от дома,
Летишь. Летишь...

Как зелен он и незащищен как!
И вновь ладонь сжимается в кулак.
Душа полна печали и любви.
О Господи, к любви не приведи.

2.

Поэзию молчанием продлить?
Я и без слов сумею говорить.
О тишина, она тобой полна –
мой свет из притворённого окна,
мой тёплый дом за тысячью небес,
мой лист единственный, вобравший целый лес,
мой ходунок, младенец, мой мужчина –
в лице дитяти старика личина.
Фальшивка, проступившая, как смысл.
Держу в руке платана ржавый лист!
Уже ноябрь. Уже мертва природа,
И ждёт тепла. А до него полгода.
Вот так и сын – я жду, а он растёт.
Потом уйдёт. И тем меня спасёт.
Молчи, о мать, умеющая знать
как слово за молчанье принимать.

3.

Когда слова стремительно круты,
как под рукой бильярдные шары,
Я отступаю. Игру прерву на вдохе.
Я стану холоднее недотроги.
Слова, Слова, словами лишь жива.
Молчаньем завоёваны слова.
За ними жизнь, в которой леденеть.
И закипать. И травкой зеленеть.

О, лучше камнем лечь себе на грудь
и начертать на этом тёплом камне
единственное слово: «Позабудь».

НА ЗАКАТЕ

...Тогда тишина опускает на нас
своих голубизн покрывала,
когда ты один на кровати лежишь,
и руки поверх одеяла.

Соседка со скрипом придвинула стул,
и чайник свистит бестолково.
И ты понимаешь: сейчас прозвучит
последнее главное слово.